

Скарына (з усмешкай). Адыкаць такую галаву, як мая, ваша вялікасьць, сабе ж на страту...

Гаштольд Асабліва калі ўлічыць, што з дапамогай доктара нам давядзеца надрукаваць Статут, хочам мы таго ці не...

Бона (ускокнае з трона). Вам бы спачатку пра тое нас спытацца! Аўдэенцыя скончана! Баста! (Выходзіць) (Петрашкевіч А. Прарок для Айчыны).

Такім чынам, у выніку выкарыстання на ўроках беларускай мовы заданьні з канатонімамі вучні атрымаюць не толькі нацыянальна-культурную інфармацыю, але і ўдасканаліць творчыя здольнасьці і навыкі камунікацыі.

Літаратура

1. Вучэбная праграма па вучэбным прадмеце «Беларуская мова» для VI класа ўстаноў агульнай сярэдняй адукацыі з беларускай і рускай мовамі навучаньня і выхаваньня [Электронны рэсурс] // Нацыянальны образовальны портал. – Рэжым доступу: <https://adu.by/ru/homepage/obrazovatelnyj-protsess-2020-2021-uchebnyj-god/obshchee-srednee-obrazovanie-2020-2021/304-uchebnye-predmety-v-xi-klassy-2020-2021/3798-belaruskaya-mova.html>. – Дата доступу: 28.08.2020.
2. Носова, Е. С. Место лингвокультурологической компетенции в системе обучения родному языку / Е. С. Носова // Психология. Педагогика. Теория и методика обучения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ftp://lib.herzen.spb.ru/text/nosova_izv37_80_p453_456.pdf – Дата доступа: 27.08.2020.
3. Старжынская, Н. С. Счастливые падыходы да нацыянальна-моўнай адукацыі дзяцей дашкольнага ўзросту / Н. С. Старжынская // Пралеска. – 2016. – № 10. – С. 3–8.

Н. А. Развадовская (Беларусь)

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ВОЕННОЙ ЛИРИКИ В. С. ВЫСОЦКОГО

Творчество В. С. Высоцкого является неотъемлемой частью русской литературы второй половины XX века. Не признанный официальной властью, с опаской относившейся к барду-бунтарю, В. С. Высоцкий еще при жизни стал истинно народным поэтом.

Друг Высоцкого, Л. А. Филатов, после смерти поэта написал: «Он замолчал. Теперь он ваш, потомки, // Как говорится, «дальше – тишина»» [3, с. 4]. К счастью, слова Л. А. Филатова не стали пророческими: песни и стихи В. С. Высоцкого по-прежнему востребованы у людей разных поколений, хотя после смерти барда прошло уже сорок лет. Востребованность Высоцкого-поэта объясняется, очевидно, тем, что он говорил о важных вещах, таких, как любовь, патриотизм, вера, жизнь. Говорил о важном и сложном, но простым и понятным языком. А еще, наверное, потому, что Высоцкий умел в своих стихах и песнях быть разным, при этом оставаясь самим собой, искренним и честным.

Лирика В. С. Высоцкого отличается невероятным разнообразием: гражданская, медитативная, философская, интимная, «городской романс» и т. д. Но особое место в творчестве В. С. Высоцкого занимала лирика о войне. Родившийся в 1938 г., Высоцкий не мог принимать участия в боевых действиях, но он был ребёнком войны, и память о ней вошла в его плоть и кровь. «...мы дети военных лет – для нас это вообще никогда не забудется. Один человек метко заметил, что мы «довоевываем» в своих песнях. У всех у нас совесть болит из-за того, что мы не приняли в этом участия» [2, с. 89].

Почти всю свою творческую жизнь В. С. Высоцкий писал о войне: «Самые первые мои военные вещи были написаны для картины «Я родом из детства». С тех пор я написал для кино несколько десятков песен о войне» [2, с. 90].

Каждое стихотворение В. С. Высоцкого о войне представляет собой своеобразную «сценку», где автор выступает от лица разных людей или даже предметов: бывший эка-штрафник («Штрафные батальоны»), десантник («Черные бушлаты»), разведчик («Тот, который не стрелял»), летчик («Песня о погибшем летчике»; «Песня летчика»), самолет («Песня самолета-истребителя»), немецкий солдат («Солдаты группы «Центр») и т. д.

Стихотворения Высоцкого о войне не объединены в циклы, это совершенно самостоятельные завершённые произведения, которые, однако, все вместе являют собой единое художественное целое, своеобразную мозаику. Одна человеческая трагедия сталкивается с другой, третьей, вплоть до финального: «И еще будем долго огни принимать за пожары мы, // Будет долго зловещим казаться нам скрип сапогов, // О войне будут детские игры с названиями старыми, // И людей будем долго делить на своих и врагов» («Песня о новом времени») [2, с. 114]. И даже провидческого, словно поэт заранее знал о том, что в XXI веке будут предприниматься попытки обелить нацистский режим, оправдать преступления Третьего рейха и переписать историю: «И когда наши кони устанут под нами скакать, // И когда наши девушки сменят шинели на платья, – // Не забыть бы тогда, не простить бы и не потерять» («Песня о новом времени») [2, с. 115].

Художественная связь стихотворений В. С. Высоцкого придаёт им обобщённый смысл: война – это не только трагедия одной семьи, народа, страны, это катастрофа всего мира: «Разбрелись все от бед в стороны... // Певчих птиц больше нет – вороны! // И деревья в пыли к осени. // Те, что песни могли, – бросили. // Дым и пепел встают как кресты, // Гнезд по крышам не вьют аисты» («Аисты») [2, с. 119–120]. Поэт вводит в лирику сюжетно-повествовательное начало, что позволяет свести воедино отдельные эпизоды и создать целостный трагический образ войны. При этом война у Высоцкого лишена ореола парадности, война – это тяжкая *будничная* работа: «Сегодня на людях сказали: «Умрите героически!» // Попробуем, ладно, увидим, какой оборот... // Я только подумал, чужие кура папироски: // Тут – кто как умеет, мне важно – увидеть восход» («Черные бушлаты») [2, с. 147–148]; «Я пил чак из блюда, // Со спиртиком бывал... // Мне не пришлось загнуться, // И я довоевал» («Тот, который не стрелял») [2, с. 152].

Нарочито сниженная лексика «мозги не пудрю», «нам не светит с тобою», «загнуться», «геройствовал», «влип», «kozyри равнять», «в гражданку»; акцент на бытовые детали «чужие кура папироски», «животом – по грязи», «дышим смрадом болот», «кочки тискаем», «мимоходом по мертвым скорбя», «он мне спать не давал» лишают образ войны величия, пафоса, возвышенности, заставляя вспомнить о традициях литературы «потерянного поколения» и лейтенантской прозы.

Лирическое «я» поэта слито с сознанием его героя, их голоса звучат в унисон. Лишь в некоторых своих стихотворениях В. С. Высоцкий отстраняется от своих героев, как бы наблюдая за ними со стороны: «А до войны – вот этот склон // Немецкий парень брал с **тобою**. // Он падал вниз, но был спасен, – // А вот сейчас, быть может, он // Свой автомат готовит к бою» («Военная песня») [2, с. 110]; «И в бою над Сурою // Он обнялся с землёю, // Только ветер обрывки письма разметал» («Письмо») [2, с. 117]; «На братских могилах **не ставят** крестов, // И вдовы на них не рыдают, – // К ним кто-то приносит букеты цветов, // И вечный огонь **зажигают**» («Братские могилы») [2, с. 103]. Отстраненность авторского сознания подчеркивается использованием формы 2 или 3 лица, а также употреблением неопределенно-личных предложений (ты, он, не ставят, зажигают).

В большинстве же стихотворений В. С. Высоцкий, будучи актером, перестает быть самим собой, перевоплощаясь в своих героев, говоря на их языке: «Я уж решил: миновала беда // И удалось отвертеться, – // С неба свалилась шальная звезда – // Прямо под сердце» («Песня о звездах») [2, с. 97]; «**Нам** и места в землянке хватало вполне, // Нам и время текло – для обоих... // Все теперь – одному, – только кажется **мне**, // Это **я** не вернулся из боя» («Он не вернулся из боя») [3, с. 177], «**Я** вам мозги не пудрю – // Уже не тот завод. // **В меня** стрелял поутру // из ружей целый взвод» («Тот который не стрелял») [2, с. 151]; «Перед атакой – водку, – вот мура! // Свое отпили **мы** еще в гражданку, // Поэтому **мы** не кричим «ура» – // Со смертью **мы** играемся в молчанку» («Штрафные батальоны») [2, с. 95]; «**Я** этот небесный квадрат не покину – // **Мне** цифры сейчас не важны: // Сегодня **мой** друг защищает **мне** спину, // А значит – и шансы равны» («Песня летчика») [2, с. 124]; «**Я** – «ЯК», истребитель, – мотор **мой** звенит, // Небо – **моя** обитель» («Песня самолета-истребителя») [2, с. 125]; «**Мы** вас встретим и пеших, и конных, // Утомленных, нецелых – любых» («Так случилось – мужчины ушли») [2, с. 155] и т.д. Об абсолютном слиянии автора и его героев свидетельствует употребление формы 1 лица (я, мне, мы). Поэт ощущает единство со своими героями, их взгляд на вещи гармонично входит в лирическое сознание Высоцкого, придавая его стихотворениям особый стилистический симфонизм.

В. С. Высоцкий был поистине народным поэтом. Он чувствовал чужое как свое, был невероятно чуток и к чужой радости, и к чужой боли, поэтому так остро звучит в его стихах о войне неизбывная вина живого перед павшими: «Я кругом и навечно виноват перед теми, // С кем сегодня встречается я почел бы за честь» («Песня о погибшем летчике») [2, с. 173]. Но не только комплекс вины мучает поэта, не меньше его волнует, почему победа была добыта ценой миллионных потерь: «Чем и как, с каких позиций // Оправдаешь тот поход – // Почему мы от границы // Шли назад, а не вперед? // Может быть, считать маневром // (Был в истории такой), – // Только лучше б в сорок первом // Нам не драться под Москвой!» («Реже, меньше ноют раны...») [2, с. 123]. Этот вопрос остается без ответа, но не потому, что у В. С. Высоцкого ответа нет, а потому, что его стихи – это диалог с читателем/слушателем, поэтому право ответить на вопрос поэт предоставляет именно ему.

Литература

1. Высоцкий, В. С. Где же наша звезда? : Песни / В. С. Высоцкий. – М. : Изд-во ЭКСМО-Пресс, Изд-во ЭКСМО-МАРКЕТ, 2000. – 432 с.
2. Высоцкий, В. С. Кони привередливые : Песни, стихотворения / В. С. Высоцкий. – М. : Изд-во ЭКСМО-Пресс, Изд-во ЭКСМО-МАРКЕТ, 2000. – 448 с.
3. Высоцкий, В. С. Я не люблю... : Песни, стихотворения / В. С. Высоцкий. – М. : Изд-во ЭКСМО-Пресс, Изд-во ЭКСМО-МАРКЕТ, 2000. – 384 с.

М. С. Рак (Беларусь)

ЖАНРАВЯЯ СТРАТЭГІЯ ТВОРЧАСЦІ ЛЮДМІЛЫ РУБЛЕЎСКАЙ У ЕЎРАПЕЙСКІМ ЛІТАРАТУРНЫМ КАНТЭКСТЕ КАНЦА ХХ – ПАЧАТКУ ХХІ СТАГОДДЗЯ

Прыярытэтны кірунак нацыянальнага літаратуразнаўства – вызначэнне непаўторнасці развіцця літаратурнага працэсу ў Беларусі – дапаўняецца праблемай, якая па-ранейшаму стаіць перад айчынным філалогіяй: асэнсаванне месца беларускай літаратуры ў свеце, а таксама раскрыццё асаблівасці ўваходжання сусветнай літаратуры ў беларускі кантэкст. У аб’яднанні гэтых задач бачыцца асаблівасць дыскурсу беларускай кампаратывістыкі ў гісторыка-культурным